Н. Н. ХИТРОВО И ЕЯ СЕМЕЙСТВО.

Происшествія, бывшія во время молодости, чаще всего вспоминаются въ глубокой старости; но память стариковъ, постепенно слабѣющая, неспособна сохранять впечатлѣнія въ надлежащемъ порядкѣ. Это я испыталъ на себѣ. Мнѣ теперь за восемьдесятъ лѣтъ; много разъ принимался я записывать воспоминанія моей жизни, но они постоянно оказывались неполными: событія и лица мелькали предо мною, какъ тѣни въ волшебномъ фонарѣ; иныя отражались ясно, другія слабѣе, а нѣкоторыя и совсѣмъ исчезали. Кромѣ того, были и другія причины неполноты въ описаніи происшествій и лицъ. Такъ напримѣръ, принявшись за подробное описаніе личности и лекцій профессоровъ во время моего университетскаго курса, я упустилъ изъ виду замѣчательныя знакомства того же времени и не сказалъ ни слова о Н. Н. Хитрово и ея семействѣ *).

А между тѣмъ Настасья Николаевна Хитрово въ теченіи 40 лѣтъ была извѣстна всей Москвѣ. Она была дочерью Московскаго оберъ-коменданта Николая Никитича Каковинскаго и родилась около 1760 года. Довольно рано вышла она замужъ за Никиту Петровича Хитрово, котораго отецъ, Петръ Никитичъ, былъ, въ царствованіе императрицы Елисаветы, егермейстеромъ. Всѣ эти свѣдѣнія слышалъ я въ свое время (уже гораздо позднѣе) отъ Елисаветы Петровны Яньковой, двоюродной сестры отца моего, прожившей 93 года и скончавшейся въ 1861 году.

Не будучи ни особенно богатою, ни особенно знатною и чиновною, Н. Н. Хитрово пользовалась особеннымъ уваженіемъ въ Московскомъ дворянскомъ кругѣ: въ немъ не было никого отъ мала до велика, кто бы не зналъ ея. Всѣ знакомые ее любили, какъ одну изъ самыхъ милыхъ и ласковыхъ старушекъ, жившихъ въ Москвѣ. Тогда были двѣ современницы, Офросимова и Хитрово, какихъ съ тѣхъ поръ

---

*) Мои воспоминанія печатались въ «Русскомъ Архивѣ» 1881 года. (I, 245; II, 42; III, 113, 423).

не было и едва ли когда-нибудь будетъ: одной всѣ боялись за грубое и дерзкое обращенiе, наружно уважая ее единственно изъ страха, а другую всѣ любили и уважали чистосердечно и непритворно.

Н. Н. Хитрово жила и при жизни мужа, и по кончинѣ его *), въ своемъ домѣ, на концѣ Пречистенки. Домъ этотъ находился въ родѣ Хитровыхъ еще съ половины прошедшаго столѣтiя; онъ былъ всегда открытъ для всѣхъ, и утромъ, и вечеромъ, и каждый прiѣхавшiй былъ обласканъ хозяйкою такъ, что можно было подумать, будто бы онъ былъ для нея самый дорогой изъ всѣхъ и самый желанный гость.

Будучи еще студентомъ (въ 1832), я много наслышался отъ дяди графа Петра Степановича Толстаго, и отъ тетки, Яньковой, о Н. Н. Хитрово и захотѣлъ имѣть доступъ въ этотъ замѣчательный домъ, гдѣ собиралось лучшее и знатнѣйшее Московское общество. Дядя представилъ меня, и я былъ принятъ, не смотря на двадцатилѣтнiй мой возрастъ и студенческiй мундиръ, очень привѣтливо и ласково. Продолжая бывать нѣсколько лѣтъ сряду у почтенной старушки, я узналъ многiя черты домашняго ея быта и характера.

Н. Н. была очень мала ростомъ, одѣвалась всегда на свой ладъ, не слѣдуя модѣ: и платье, и чепецъ у ней были по особому фасону. Чепецъ—тюлевый съ широкимъ рюшемъ и съ превысокою тульей, которая торчала на маковкѣ; на вискахъ по пучку буклей мелкими колечками; платье—капотомъ съ поясомъ и маленькимъ шлейфомъ; высокiе каблуки, чтобы казаться повыше ростомъ. Лицо ея и въ преклонныхъ лѣтахъ было очень миловидно, и живые глазки быстро бѣгали. Она была очень мнительна и при малѣйшемъ нездоровьѣ тотчасъ ложилась въ постель, клала себѣ компрессы на голову и привязывала уксусныя тряпички къ пульсамъ. Такъ лежала она въ постели, пока не прiѣдетъ къ ней кто-нибудь въ гости. Поутру она принимала у себя въ спальнѣ, лежа въ постели часовъ до трехъ; потомъ она вставала, чаще кушала за общимъ столомъ, а иногда и одна у себя въ спальнѣ. Вечеромъ выходила въ гостиную и любила играть въ карты. Чѣмъ больше было гостей, тѣмъ она была веселѣе и чувствовала себя лучше, а когда вечеромъ никого не было гостей (что̀ впрочемъ случалось очень рѣдко), то скучала, хандрила, ей нездоровилось, она ложилась въ постель, обкладывалась разными компрессами и посылала за своею карлицей или за Натальей Захаровной, бѣд-

*) Онъ скончался прежде 1812 года.—Домъ—нынѣ ея правнука Н. С. Мальцова. П. Б.

ной дворянкой, которая пользовалась ея особою милостью, съ ея плеча носила обносочки и донашивала старые чепцы.

— Ну, садись, скажетъ она ей, разсказывай. И Захаровна начинаетъ высыпать все, что̀ слышала и что́ могло интересовать ея покровительницу.

Добрая старушка была любопытная, хотѣла все знать, но была очень скромна и умѣла хранить тайну, такъ что никто и не догадается, знаетъ она или нѣтъ.

Она не любила слышать о покойникахъ и о томъ, что кто-нибудь боленъ, и потому домашнie отъ нея всегда скрывали, если кто изъ родныхъ и знакомыхъ заболѣетъ, и молчали, когда кто изъ нихъ умретъ. Захаровна прослышитъ, что умеръ кто-нибудь, придетъ въ спальню къ ней и шепчетъ ей: «сударыня, отъ васъ скрываютъ, что вотъ такая-то или такой-то умеръ; боятся васъ разстроить».

— Ахъ, ахъ, давно ли же это? спроситъ она.

— Недѣли двѣ или три, должно быть.

— А мнѣ-то и не скажетъ никто! говоритъ она.

Тѣмъ дѣло и кончится, и объ умершемъ нѣтъ больше и помину.

Бывая въ домѣ Н. Н. Хитрово, я встрѣчалъ тамъ много знатныхъ людей и нѣкоторымъ изъ нихъ былъ представленъ хозяйкою. Особенно много съѣзжалось туда въ Понедѣльникъ и Четвертокъ вечеромъ; въ эти дни играли въ карты на 12-ти или 15-ти столахъ. При этомъ случаѣ особенно интересовалъ меня попугай изъ породы какаду; клѣтка его стояла въ залѣ, и онъ постоянно смотрѣлъ на дверь въ переднюю, откуда входили гости, и при видѣ ихъ постоянно кричалъ: «Ванька, столъ да карты!» Въ другое время, утромъ или въ срединѣ дня, онъ выговаривалъ другiя слова, напримѣръ: «здравствуй, попкѣ сахару, поди прочь, дуракъ», но не упоминалъ о Ванькѣ, столѣ и картахъ. Меня тогда очень занималъ вопросъ: неужели какаду понималъ значенie этихъ словъ, и потому употреблялъ ихъ только при входѣ гостей?

Пока не была еще замужемъ ея внучка княжна Урусова, у Хитрово бывали балы и танцовальные вечера. Роскоши въ домѣ не было: зала была невелика, однако для полъ-Москвы доставало мѣста, и всѣ веселились больше, можетъ быть, чѣмъ теперь веселится молодежь, потому что и гости менѣе требовали отъ хозяевъ, и хозяева были болѣе радушны и привѣтливы къ гостямъ.

Вотъ еще особенность въ характерѣ Настасьи Николаевны. Она была не то чтó малодушна, а очень вещелюбива; любила, когда ей привозили въ имянины, въ день рожденія или въ Новый годъ, какую-нибудь вещицу или бездѣлушку. Она не смотрѣла, дорогая ли вещь или бездѣлка, и трудно было угадать, чтò ей больше понравится. Для всѣхъ этихъ вещей у нея было нѣсколько шкафовъ во второй гостиной, и тамъ за стекломъ были разставлены тысячи разныхъ мелочей дорогихъ и грошевыхъ. Она любила и сама смотрѣть на нихъ, и показывать другимъ; и ей было очень пріятно, когда хвалили ея вещицы.

Иногда Настасьѣ Николаевнѣ ночью не спится; вотъ и позоветъ она горничную:

— Подай-ка мнѣ «шкатулочку».

Принесутъ ей сундучекъ; она отопретъ его и начнетъ вынимать оттуда мѣшечки: въ одномъ изумруды, въ другомъ яхонты, въ третьемъ брилліанты-солитеры.

У Настасьи Николаевны было двѣ дочери: Ирина Никитична, за княземъ Урусовымъ, и дѣвица Екатерина Никитична. Урусова въ молодости своей была очень пріятной наружности, довольно худощавая. Она съ дѣтства имѣла отвращеніе отъ всякой мясной пищи, даже и самый запахъ всего мясного былъ ей противенъ, а потому она не могла обѣдать съ другими. Это объясняли тѣмъ, что она страдала отъ солитера; другіе думали, что по своему благочестію она не желала вкушать мясной пищи, и по христіанскому смиренію скрывала это подъ предлогомъ отвращенія. Княгиня была особенно добра и снисходительна ко всѣмъ, не только никогда ни про кого не отзывалась дурно, но не могла терпѣть, чтобы при ней и другіе злословили и всегда при первомъ словѣ осужденія спѣшила, бывало, перемѣнить разговоръ. Эта душевная доброта княгини выражалась на ея лицѣ, которое и не въ молодыхъ лѣтахъ имѣло совершенно ангельское выраженіе. Оставшись послѣ кончины мужа еще очень молодой вдовой, она посвятила себя воспитанію троихъ своихъ дѣтей (двухъ сыновей, князя Сергія Николаевича, князя Дмитрія Николаевича и княжны Настасьи Николаевны) и ухаживанью за матерью-старушкой. Она была добрая христіанка, благочестивая, богомольная, сострадательная и, живя въ мірѣ, вела жизнь праведной монахини. Подъ каждое Воскресенье и подъ каждый праздникъ у Хитровыхъ непремѣнно была на дому всенощная.

Если у кого изъ знакомыхъ было горе или семейная потеря, поѣзжай въ этотъ домъ и навѣрно встрѣтишь княгиню Ирину Ни-

китичну, или услышишь, что она уже была. Выдавъ свою дочь за Мальцова, она перестала ѣздить въ свѣтъ и дома принимала только до кончины матери, а послѣ того стала вести жизнь самую уединенную, ежедневно ходила къ обѣднѣ, много помогала бѣднымъ.

Старшій сынъ ея, князь Урусовъ наслѣдовалъ благочестіе своей матери; онъ занималъ важное мѣсто при Св. Синодѣ и нѣсколько разъ исправлялъ должность оберъ-прокурора. Митрополитъ Филаретъ называлъ его «благопотребнымъ у кормила Церкви» [1].

Другой сынъ княгини Урусовой, князь Дмитрій, вступилъ, было, въ монастырь, но, слабый здоровьемъ, не могъ вынести строгости монашеской жизни, возвратился домой и, чуждый всего суетнаго мірскаго, посѣщая церковь, продолжалъ жить у себя дома какъ въ кельѣ.

Меньшую дочь Хитровой, дѣвицу Екатерину Никитичну, никогда никто изъ посторонних не видывалъ; кто говорилъ, что она родилась слабоумною, а кто сказывалъ, что она слѣпорожденная, но жила она немало и умерла шестидесяти лѣтъ отъ роду.

Упомянутая выше Е. П. Янькова [2]) такъ отзывается о Хитровой и Урусовыхъ: «Слѣдуетъ сказать, что это было истинно-благочестивое и христіанское семейство, гостепріимное, радушное, гдѣ никто изъ гостей не былъ стѣсненъ, каждый чувствовалъ себя какъ бы дома, но никто не смѣлъ дозволить себѣ ни малѣйшаго двусмысленнаго слова и, Боже избави, злословія на счетъ ближняго. Всѣ только и помышляли о томъ, какъ бы угодить почтенной старушкѣ, умѣвшей заслужить всеобщее уваженіе Московскаго общества, которая родилась, жила весь вѣкъ въ Москвѣ, умерла, будучи 80 лѣтъ и никого никогда не обидѣла, никому не сказала жесткаго слова, и потому никто не помянетъ ея лихомъ, но всѣ съ сожалѣніемъ вздохнутъ о ней и помянутъ добромъ».

Графъ М. Толстой.

---

[1]) Это я слышалъ отъ А. В. Горскаго. У него, когда онъ былъ профессоромъ Московской Духовной Академіи, я неоднократно встрѣчался съ княземъ Сергіемъ Николаевичемъ.

[2]) Воспоминанія о Е. П. Яньковой изданы роднымъ внукомъ ея Д. Д. Благово (нынѣ архимандритомъ и настоятелемъ посольской нашей церкви въ Римѣ, отцомъ Пименомъ).